

Светланов первым в России исполнил симфонию «Израиль»

Русский телеграф, -1998, -11 апр. - с.1

Евгений Светланов, краса и гордость русского дирижерского искусства, в России (и, соответственно, за пультом подведомственного ему Госоркестра) в последнее время появляется редко: совсем недавно он продлил контракт в Гааге, да и вообще тянуть ляжку абонементов на родине ему надоело. Зато если уж он появляется, то с совершенно особыми проектами. Под Новый год Евгений Федорович устроил в Большом зале консерватории концерт в стиле *pop* (так это назвали бы в Америке), где его оркестр аккомпанировал Ларисе Долиной песни «Битлз» и прочие шлягеры. А сейчас решил посвятить свое искусство празднованию особой даты — 50-летия основания Государства Израиль.

На концерте присутствовал — и даже выходил на сцену с маленькой речью — израильский посол. Однако, надо полагать, инициатива Светланова имела не

только дипломатическое содержание: еврейская тема давно греет сердце русского художника, и одну подобную программу он уже давал в прошлом году. Но если там звучали Прокофьев, Шостакович и сам Светланов (в качестве композитора), то теперь настал черед именно еврейских композиторов.

История музыки, впрочем, до сих пор не решила, кого же считать именно по этой графе — Малер, например, или Мендельсон скорее принадлежат немецкой культуре, да и всему миру. Светланов предложил Бен-Хаима, Юрия Фалика (петербургский автор) и Эрнеста Блоха. Ихopus, прозвучавшие в первом отделении, особого впечатления не произвели (пусть даже в плаксивой рапсодии Блоха «Шеломо» превосходно солировал виолончелист Александр Князев): легко поверить, что народной еврейской музыке присущи свои характерные лады, и нет особой про-

блемы применить их и в симфонических партитурах. Зато симфония «Израиль» того же Блоха, ставшая ударным номером концерта, поведала нам о том, что история еврейского духа имеет свою сагу, вполне достойную стоять в ряду самых величайших полотен симфонической музыки.

Эрнест Блох (1880—1959), композитор и дирижер, родившийся в Швейцарии и умерший в Америке, написал свою симфонию еще в 1916 году, когда на Святой земле действовали только храбрые первопроходцы. Это музыка покорения и отваги, не ведающая жалоб и стонов, исполненная эпических чувств, здорового батального пафоса, лирической походности и тонкой созерцательности. В ней много роскошных тугги, красивых соло, терпких гармоний и пряных красок; все они, правда, к 1916 году, уже были проверены теми же Мендельсоном и Малером, а также

Скрябиным, Дебюсси и антисемитом Вагнером, но мастерства композитора это никак не отменяет. Оркестр играл собранно и грубовато, и если бы это была какая-нибудь знакомая симфония Чайковского, вышло бы немало расстройств; но по случаю первого знакомства все можно легко простить, тем более что из-под рук Светланова вышла почти Богатырская симфония Бородина — только богатырями в ней были строители первых кибуцев.

Зря, конечно, Блох включил в симфонию солистов-певцов: возможно, он и не сделал бы этого, знай, кто будет петь в российской премьеры — вечные любимцы Светланова, уже испортившие ему немало программ. Но концерт был концертом большого человека — а большие люди, хоть кол им на голове теши, своих пристрастий не меняют.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ

